

СТАТЬИ И ЭССЕ

В.С.Вахштайн*

Драматургическая теория Ирвинга Гофмана: два прочтения

Практически все работы Ирвинга Гофмана (за исключением самой первой – «количественного» исследования аудитории мыльных опер, результаты которого так никогда и не были опубликованы) вызвали бурную и неоднозначную реакцию академического сообщества. Основной вопрос разгоравшихся споров – можно ли считать Гофмана социологом и если да, то является ли его драматургический подход органической частью социологической традиции?

Еще в 1972 г. в одном из обзоров «New York Times Book Review» Гофман был назван «самым видным из ныне живущих писателей», имеющим наибольшие основания называться «Кафкой нашего времени» [4, p. 135–143]. Эта «литературоведческая» линия интерпретации работ Гофмана была продолжена в обсуждении его «Отношений на публике» (1971); рецензент из «The Sociological Quarterly» утверждал, что Гофман «просто сочиняет романы, в которых гротеск переводится на уровень китча» [1]. Многократно отмечаемый «эзотерический стиль его повествования» привел к росту популярности Гофмана-писателя, но поставил под сомнение научность социальной драматургии¹. (Из отечественных исследователей подобные сомнения высказал Л.Г. Ионин [43], а позднее – ряд социальных психологов, усмотревших в работах Гофмана пренебрежение процедурной, методической стороной исследования [37, с. 203]²).

По сути, подозрения в «несоциологичности» с Гофмана были сняты только к моменту избрания его на пост президента Американской социологической ассоциации в 1981 г. (Хотя и после этого теоретическим построениям социальной драматургии нередко отказывали в праве называться теоретическими [11], [25, p. 108–109]). Сам Гофман старательно уклонялся от навешивания на его теорию легко распознаваемых «ярлыков» и относил свои ранние работы поочередно к «городской этнографии Эверета Хьюза» и «социальной психологии Джорджа Герберта Мида», старательно избегая при этом определения «символический интеракционизм» [35, p. 213–214].

Если роль Гофмана-социолога уже ни у кого не вызывает сомнения, то вопрос о связи его теории с социологической традицией по-прежнему остается открытым. Свидетельством тому непрекращающиеся попытки «вписать» концепцию Гофмана в рамки существующих подходов³.

Среди многочисленных интерпретаций драматургической теории можно выделить два принципиально различных прочтения: интеракционистское и структуралистское. В первом случае Гофман определяется как «символический интеракционист», ученик Г. Блумера,

---

* Вахштайн Виктор Семенович – аспирант ГУ-ВШЭ

© Центр Фундаментальной социологии, 2003

© Вахштайн Виктор, 2003

¹ Проблемы «распознавания» гофмановской теории, «балансирующей на грани между публицистикой, философией и этнографией», освещены в [13]. См. также полемику Дж. Познер и М. Ороманера о взаимоотношениях И. Гофмана с социологическим истеблишментом [27], [28], [29].

² Мы намеренно не рассматриваем те «ошибки распознавания» концепции Гофмана, которые связаны с неправильным переводом базовых понятий социальной драматургии. Так, перевод «self» как «глубинная самость» автоматически причисляет Гофмана к теоретикам-персонологам [46], что, очевидно, неверно.

³ Наиболее полным каталогом таких попыток, вероятно, является посвященный Гофману четырехтомник из серии «Sage Masters of Modern Social Thought» [12], а в отечественной социологической литературе данную проблему иллюстрируют диаметрально противоположные интерпретации гофмановской теории, предложенные А.Д. Ковалевым [44], [45] и Г.С. Батыгиным [38].

наследник Дж. Г. Мида и У. Джемса, при этом считается, что основной предмет его исследований – социальное взаимодействие. Во втором случае говорится о структуралистских интенциях Гофмана, подчеркивается влияние на него социологизма Э. Дюркгейма и социально-антропологической проблематики, постулируется, что главный предмет его исследований – организация повседневной жизни и ее структуры. В каждой из этих перспектив предлагаются свои подходы к периодизации творчества Гофмана и выявлению центральных тем на каждом из этапов.

Мы не ставим задачи выяснить, какое из прочтений Гофмана более обосновано. Наша цель – анализ интерпретаций и открываемых ими перспектив теоретизирования.

Расхождения с символическим интеракционизмом

С момента выхода в свет первой книги Гофмана «Представление себя другим в повседневной жизни» (1956) за ним закрепилась репутация символического интеракциониста. В теоретических построениях социально-драматургического подхода раннего Гофмана действительно прослеживаются интенции, сходные с базовыми представлениями концепции Г. Блумера. Речь идет о «молчаливом принятии» им трех постулатов символического интеракционизма:

- 1) социальное действие само по себе не имеет смысла, оно основано на значениях, которые ему приписываются;
- 2) смысл действия является производным от социальной интеракции;
- 3) действие непрерывно преобразуется в ходе социальной интеракции [5, p. 621].

Из теории символического интеракционизма Блумера Гофманом заимствуется, в частности, идея «общества» как совокупности «исполнений» (performances) и «интеракции» как фундамента социальной организации. Но трактовка социального взаимодействия у Гофмана уже в ранних его работах значительно отличается от трактовки Блумера. Интеракция в социальной драматургии – это не столько поток «символически опосредованной коммуникации», сколько взаимодействие небольшого числа людей в обстоятельствах сопresутствия. «Драматургическая перспектива – пишет Гофман, – предлагает описание приемов управления впечатлениями, выработанных в данном социальном образовании, основных проблем управления впечатлениями в нем, критериев идентификации отдельных исполнительских команд, действующих в пределах такого образования и взаимоотношений между ними» [41, с. 285–286]. Акцент переносится с символического опосредования общения на взаимное восприятие людей, находящихся в некотором замкнутом пространстве – *социальном образовании*. (Под замкнутостью Гофман понимает «наличие барьеров, препятствующих чужому восприятию» [41, с. 283], что позволяет ему говорить о возможностях исследования социальных образований как «закрытых систем».) Следовательно, в центре внимания социальной драматургии оказывается не символическое опосредование, а непосредственная «доступность взгляду». Именно поэтому Э. Гидденс предлагает рассматривать труды Гофмана «как имеющие отношение к распределению пересечений присутствия и отсутствия в процессе социального взаимодействия» [40, с. 122].

Драматургическую интерпретацию взаимодействия подверг критике Блумер в своем обзоре книги Гофмана «Отношения на публике». По его мнению, Гофман игнорирует специфику межличностной коммуникации, различие между «отношением к предмету» и «отношением к другому» стирается, интеракционистский анализ превращается в «акционистский», взаимодействующие представлены скорее зрителями и исполнителями, чем партнерами [6]. В последующих исследованиях Гофман еще дальше отходит от блумеровской перспективы рассмотрения интеракции.

Что же заставляет говорить о принадлежности социальной драматургии к сонму интеракционистских концепций? Эпистемическая позиция? Однако зрелый Гофман не разделяет не только всех теоретических аксиом интеракционистской традиции, но и ее

методологических оснований. «Вы вынуждены выйти на “естественную историю” изучаемого предмета – с фазами, структурами и паттернами – или вы просто ничего не сказали или не проанализировали. Это не является сильной стороной символического интеракционизма... – отмечает Гофман в своем интервью Джеффу Верховену, – Если вы начинаете конкретизировать, вашей задачей становится приведение в порядок того, что вы видели, и этот порядок означает структуру или естественную последовательность фаз. Тогда вы оказываетесь в области структурной социологии того или иного рода» [35, р. 226].

Попытки интерпретации теории Гофмана в русле «структурной социологии» наметились позже, в 1970-х годах. До этого он остается в тени Блумера, влияние которого акцентируется сторонниками интеракционистского прочтения социальной драматургии. Однако Блумер (действительно бывший некоторое время преподавателем Гофмана, а затем, после своего отъезда из Чикаго, пригласивший его работать в Беркли) вряд ли может считаться научным наставником Гофмана. «Я, по большому счету, Блумера не воспринял, – отметил Гофман в интервью, – Хьюз⁴ оказал гораздо большее влияние. Тем не менее, я нашел работы Блумера близкими мне по духу... Кроме того, я был его коллегой в течение десятилетия, так что какое-то влияние он оказал, но в целом моя социология гораздо более традиционна... Основное влияние на меня оказали Ллойд Уорнер и А.Р. Рэдклиф-Браун, Дюркгейм и Хьюз. Может быть, Макс Вебер... Так что, если все же нужно выбрать ярлык, “хьюзовская социология” была бы более подходящим определением, чем “символический интеракционизм”» [35, р. 214–216]. Непосредственно учителями Гофмана являются только Эверет Хьюз и Уильям Ллойд Уорнер, влиянию которого можно приписать увлеченность молодого Гофмана социальной антропологией и выбор им в дальнейшем предмета исследования для докторской диссертации – «коммуникативное поведение» жителей острова Диксон. (По аналогии со знаменитым уорнеровским исследованием «символического обмена» жителей Янки-Сити [48].)

Структуралистская реинтерпретация

После выхода в свет в 1971 г. «Отношений на публике» гофмановская концепция начинает пересматриваться. Попытки «извлечь теорию Гофмана из тенет символического интеракционизма» были предприняты Ф. Мэннингом [26], а позднее – Глэзером и Строссом [14]. Научная дискуссия о том, насколько вписывается в интеракционизм анализ взаимодействий Гофмана, была развернута Рэндалом Коллинзом и Майклом Маковски в 1972 г. Тогда, отстаивая перспективы микросоциологии, Коллинз и Маковски высказались в пользу интеракционистского прочтения Гофмана, который, по их мнению, в зрелый период творчества отказался от социально-антропологических дюркгеймианских интенций ранних своих работ и перешел к детальному анализу взаимодействия между индивидами [8].

В то же время Элвин Гоулднер предложил для определения социальной драматургии термин «микрофункционализм», подчеркивая функционалистский характер драматургического анализа. На методологическую близость своей концепции структурному функционализму Парсонса указывает и сам Гофман: «Кое-что в эпистемологических разработках Парсонса всегда было близко мне по духу и представлялось обоснованным. Я думаю, я в основном позитивист. Эпистемологический реализм, предложенный в его труде (*«Структура социального действия»*. – В.В.), я нашел очень созвучным и подводящим наилучшее основание под труды Вебера и Дюркгейма, доступные на английском языке» [35, р. 219].

Однако, отмечая, что базовые методологические интенции Гофмана и структурных функционалистов совпадают (различается предмет рассмотрения – Гофмана не интересуют социальные системы как таковые, он анализирует повседневность), Гоулднер находит существенные различия, продиктованные спецификой гофмановского подхода: «В отличие

---

⁴ Э. Хьюз – представитель Чикагской школы, основатель этнографической социологии и социологии профессий

от функционализма, теория Гофмана лишена метафизики иерархий. В ней конвенциональные культурные иерархии разбиваются вдребезги: например ...поведение детей становится моделью для понимания взрослых, поведение преступников – точкой отсчета для понимания уважаемых людей, театральная сцена превращается в модель понимания жизни» [21, р. 245]. Американский социолог Кеннет Берк (на работы которого Гофман неоднократно ссылался) назвал такой взгляд исследователя «смещением перспектив» [7].

Впрочем, близость Гофмана структурному функционализму не ограничивается сферой эпистемологии. В интервью он неоднократно называет себя функционалистом. («Я такой же символический интеракционист, как и любой другой. Но я также и структурный функционалист в традиционном смысле» [35, р. 213]). Даже в названии книги Гофмана «Анализ фреймов» (“Frame analysis”) прослеживается аналогия с «системой координат действия» (“action frame of reference”) Т. Парсонса. Однако апелляции к структурно-функционалистской теории позднего Гофмана выполняют и «политическую» задачу – они позволяют ему атаковать конструктивизм символических интеракционистов: «Социологи по-разному, но всегда верили в социальное конструирование реальности. Вопрос в том, на каком уровне она конструируема? На индивидуальном? На уровне малых групп? ...Я верю, конечно, что социальная среда в значительной степени социально конструируема, также я убежден, что существуют некоторые биологические основания, которые должны быть приняты во внимание. Но в чем мои взгляды отличны от взглядов социальных конструктивистов, так это в том, что я не считаю индивида способным многое сконструировать в одиночку. Индивид, скорее, приходит в мир, который уже в том или ином смысле установлен... Я, таким образом, ближе к структурным функционалистам, как Парсонс или Мертон. Так же как они изначально были близки к зарождавшейся функционалистской антропологии» [35, р. 218].

Собственно, с критики конструктивизма начинается наиболее зрелое произведение Гофмана – «Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта» (1974). В основании социального конструктивизма лежит теорема Уильяма Томаса: «Если ситуация определяется как реальная, то она реальна по своим последствиям». Это утверждение, по мысли Гофмана, на первый взгляд кажется верным, но на поверку ложно. «Определение ситуации как реальной, – пишет он, – несомненно, влечет за собой определенные последствия, но, как правило, они лишь косвенно влияют на последующий ход событий; иногда легкое замешательство нарушит привычный сценарий и едва ли будет замечено теми, кто неправильно распознал ситуацию. Весь мир – не театр, во всяком случае, театр – еще не весь мир» [42, с. 61]. Здесь не стоит переоценивать отказ от театральной метафоры. Его можно найти и в заключительной части «Представления себя другим»: «...язык и маски сцены отбрасываются... Настоящее исследование на самом деле не интересовали элементы театра, которые проникают в повседневную жизнь. Его интерес был сосредоточен на структуре социальных контактов, непосредственных взаимодействий между людьми... Ключевой фактор в этой структуре – поддержание какого-то единого определения ситуации» [41, с. 302]. В данном контексте важнее то, что в «Анализе фреймов» предложенное Томасом понятие «определение ситуации» (как видно из предыдущей цитаты, весьма значимое для раннего Гофмана) коренным образом переосмысливается. Участники взаимодействия не создают определений ситуации. Они лишь распознают их [42, с. 61]. На смену понятию «определение ситуации» в работах Гофмана приходит термин «фрейм», открывая тем самым перспективы структуралистских интерпретаций.

От «ситуации» к «фрейму»

В 1977 г. в статье «“Ситуация” против “Фрейма”: “интеракционистский” и “структуралистский” анализ повседневной жизни» Джордж Гонос привел несколько существенных аргументов в пользу структуралистского прочтения гофмановской теории. С

его точки зрения, Гофман – яркий представитель современного американского структурализма: «трактовка работ Гофмана в ключе символического интеракционизма привела к их искажению, поскольку многие важные аспекты остались незамеченными» [20, р. 32].

Как быть с интеракционистской лексикой раннего Гофмана – с «взаимодействиями», «коммуникациями», «совместным определением ситуаций»? «Мы не отрицаем, что в творчестве Гофмана есть фазы и происходил ряд изменений, – пишет Гонос. – Однако наш центральный тезис состоит в том, что у Гофмана всегда были серьезные разногласия с интеракционистами, относящиеся к природе и происхождению личности, роли субъективных ориентаций акторов и т.д.» [20, р. 32]. Ранние работы Гофмана оказались прочитаны через призму «Анализа фреймов»⁵. Даже социально-антропологический интерес молодого Гофмана к работам Дюркгейма (сформировавшийся, скорее всего, под влиянием Уорнера) ретроспективно трактуется как стихийный структурализм: «Конструкты “ситуации” и “фрейма” представляют две противоположные парадигмы, использующиеся для изучения повседневности, но каждая из которых должна быть рассмотрена как дериват классической социологической традиции. “Ситуация” – это пароль к интеракционистскому (или социально-активистскому) подходу, основывающемуся на базовых принципах веберизма, тогда как “фрейм” апеллирует к категориальному аппарату, которым Гофман обязан Дюркгейму» [20, р. 34]. Иными словами, все поле классической социологии делится на две «игровые площадки» (веберизм и дюркгеймианство); Гофман предстает последовательным дюркгеймианцем, а интеракционисты – чуть ли не наследниками Макса Вебера. Здесь проявляется существенная слабость рассматриваемой перспективы анализа – ее черно-белое видение, невнимание к оттенкам. Гораздо продуктивнее было бы заменить дихотомию Вебер/Дюркгейм (или социальное действие/социальный факт) на трихотомию Вебер-Зиммель-Дюркгейм (или действие/взаимодействие/факт). Апелляция к Зиммелю⁶ и его наследию могла бы прояснить некоторые аспекты соотношения структуры и взаимодействия в работах Гофмана, в частности, идею формализации структур взаимодействия и их трансформацию во взаимодействии же.

Почему те, кто еще недавно считал Гофмана последовательным учеником Блумера, провозгласили его основателем «нового американского структурализма» [23]? Что именно привлекло в «Анализе фреймов» интерпретаторов-структуралистов?

В первую очередь, само понятие «фрейм», заимствованное у Г. Бейтсона [3]. «Поворот, – пишет Гонос, – начался тогда, когда вместо запутывающего нас термина “ситуация” Гофман стал использовать понятия “случаи” (occasions), а позднее – “фреймы”»⁷ [20, с. 33].

Изначально «фрейм» интерпретируется Гофманом отлично от привычного ему прагматистского термина «ситуация». «Фрейм, – пишет он еще в 1961 г., – это матрица

⁵ Одним из критериев различения интеракционистской и структуралистской перспектив прочтения социальной драматургии является акцентирование внимания либо на «Представлении себя другим», либо на «Анализе фреймов». В зависимости от интерпретации социальной драматургии одна из этих двух книг называется «центральной в творчестве Гофмана». Гонос же рассматривает «Представление себя другим» как «пролог», первые шаги на пути к «анализу фреймов».

⁶ Зиммель не упоминается Гофманом в числе оказавших на него заметное влияние, но именно Зиммелю он обязан многими своими находками. Кроме того, Зиммель – единственный автор, который, появляясь уже в эпиграфе гофмановской диссертации, остается на страницах его работ до конца. В начале «Представления себя другим» Гофман пишет о «родственности» своего подхода подходу Зиммеля и называет социальную драматургию «формальным социологическим анализом» [41, р. 47]. Однако если в 50-х Гофман обращается к зиммелевским текстам за описаниями мира взаимодействий, то в «Анализе фреймов» он приводит, очевидно, заимствованные у Зиммеля (например, из эссе «Рама картины») примеры структурной организации повседневного опыта. Дискуссию о влиянии Зиммеля на Гофмана см.: [9; 33].

⁷ Та часть этого высказывания, которая относится к синонимичности понятий «случаи» и «фреймы», сомнительна. «Случаи» представляют собой материал для фреймирования; по смыслу это понятие ближе к «событию» или другому гофмановскому термину – «отрезок деятельности».

возможных событий и совокупность ролей, делающих их возможными» [16, р. 26–27]. Теперь поток социального взаимодействия может быть проанализирован не просто как дискретный, состоящий из отдельных событий, сплетенный из «отрезков деятельности», но и «фреймированный», организованный в доступные изучению структуры. «Структура “фрейма”, – в отличие от “ситуации”, – устойчива и не подвержена влиянию повседневных событий. Она аналогична правилам синтаксиса» [15, р. 11–12]. Собственно, отсюда – еще до издания «Анализа фреймов» – и начинается принципиальное расхождение Гофмана с интеракционистской традицией, выразившееся в дальнейшей формализации интеракционных структур.

Таким образом, для интерпретаторов-структуралистов важна типизация ситуаций взаимодействия, превращение их в фреймы. «Гофман говорит именно о типичных ситуациях, – полагает Гонос, – некоторые из них называются “кинотеатр”, некоторые – “за ужином”. Но такой “уникальной” ситуации как, например, “Джо поливает свои бобы”, у него нет» [20, р. 36]. Здесь уже не остается места исследованию крайних случаев. «Джо» должен быть своего рода «типичным Джо», бобы – «типичными бобами», наблюдатели данной ситуации должны отвечать всем требованиям «аудитории», перед которой разыгрывается этот сельскохозяйственный «спектакль», а используемый Джо «реквизит» (например, лейка) должен быть адекватен фрейму полива бобов⁸.

Гофмана интересуют именно устойчивые, повторяющиеся ситуации – повторяющиеся в социальном взаимодействии, следующем определенному, не конструируемому спонтанно «порядку». В «Анализе фреймов» он подчеркивает, что исследует «не взаимодействие, а фреймы». Сходная точка зрения выражена им в его президентском послании Американской социологической ассоциации, где «порядки взаимодействия» предлагается изучать «натуралистически», под углом зрения вечности (*sub specie aeternitatis*) [18, р. 17].

Однако если ситуации типичны и существуют как реальность *sui generis*, то какую роль тогда играют их интерпретации действующими индивидами? «Теорема Томаса» дает ответ на этот вопрос, но валиден он только в рамках направлений, исповедующих социальный конструктивизм. По мере того, как ситуации отчуждаются от индивидов, превращаясь в «фреймы», их интерпретации субъектами перестают играть ведущую роль.

Еще до издания «Анализа фреймов» Гофман отмечает фиксированность мира в материальных атрибутах человеческой деятельности: «Мы не можем сказать, что миры создаются «здесь и сейчас», потому что независимо от того, говорим ли мы об игре в карты или о взаимодействии в ходе хирургической операции, речь идет об использовании некоторого традиционного реквизита, обладающего собственной историей в «большом» обществе» [15, р. 27–28]. Если «реквизит» (equipment) реален, то у ситуации появляется объективный смысл, а вернее – возможность такого смысла, независимого от действий индивидов. Гофман уже не говорит о конструировании и интерпретации ситуаций (поскольку ни набор хирургических инструментов, ни карточная колода не сконструированы используемыми их индивидами), он подчеркивает, что фреймы отражают мир, который «доступен» (в плане возможностей использования) и «осознаваем» индивидами [15, р. 41]. Возвращаясь к примеру с Джо, можно сказать, что вздумай он поливать бобы не из лейки или поливочного шланга, а, скажем, из водяного пистолета (надев его соответствующим значением и функциями, в соответствии с допущениями символического интеракционизма), то наблюдающие эту ситуацию соседи применили бы к ней совсем иную схему интерпретации и вполне могли бы вызвать соответствующих фрейму специалистов⁹.

⁸ Сравните с утверждением Томаса: «Социальные ситуации никогда спонтанно не повторяются, каждая ситуация более или менее нова, поскольку включает в себя новые, по-разному скомбинированные человеческие действия» [34, р. 154].

⁹ Г.С. Батыгин, давший развернутую структуралистскую интерпретацию работ Гофмана, в связи с этим противопоставляет «теореме Томаса» «теорему Гофмана»: «Если вы определите ситуацию неверно, она определит вас» [38, с. 7].

Подчеркнем, что ни сами бобы, ни тело оперируемого пациента не участвуют во взаимодействии в полном смысле слова. Однако они «задают» его, будучи маркерами объективного смысла ситуации¹⁰.

Здесь появляется разделение смысла, субъективно полагаемого действующими в ситуации индивидами, и смысла объективного – присущего фрейму как таковому: «Вероятно, всегда можно найти “определение ситуации”, но те, кто участвуют в данной ситуации, не создают этого определения... все, что им остается делать – это истолковать его правильно, оценить то, чем ситуация является для них, и действовать соответственно» [42, с. 63]. Отсюда уже один шаг до заключительного гофмановского утверждения, акцентированного Г.С. Батыгиным: «Мир – объективная реальность, независимо от того, каким статусом наделяют ее участники взаимодействия» [38].

К уже названным устойчивости, автономности и наличию объективного смысла необходимо добавить еще одну значимую характеристику «фрейма», связанную с эпистемической позицией Гофмана. Фрейм используется Гофманом и как синоним «ситуации», и как синоним «определения ситуации»; это одновременно и «матрица возможных событий», которую таковой делает «расстановка ролей», и «схема интерпретации», присутствующая в любом восприятии. Гофман находит следующий выход: «Мы принимаем соответствие или изоморфизм восприятия структуре воспринимаемого несмотря на то, что существует множество принципов организации реальности, которые могли бы отражаться, но не отражаются в восприятии. Поскольку в нашем обществе многие находят это утверждение полезным, к ним присоединяюсь и я» [42, с. 86]. Фрейм, таким образом, претендует у Гофмана на статус универсальной объяснительной категории – он и «внутри» и «снаружи», и воспринимаемое и средство восприятия. Социальная жизнь и схемы ее распознавания индивидом структурно изоморфны. Отсюда центральный вывод структуралистских интерпретаций: «Проблема, следовательно, заключается в анализе структурной организации повседневного взаимодействия» [38, с. 7].

Синтаксис повседневности

Термин «фрейм» оказал гипнотизирующее влияние не только на интерпретаторов-структуралистов. Те, кто воспринял «Анализ фреймов» благосклонно, увидели в нем инструмент исследования повседневности, позволяющий спаять воедино микро- и макроуровни анализа социальной реальности, нивелировать разрыв между макросоциальными структурами и микроструктурами повседневной жизни [38]. Выступившие с критикой, обрушились на «фреймы» как на «замороженные формы, схватывающие события на периферии социальной жизни» [10, р. 74]. Так, Н. Дензин и Ч. Келлер, наиболее последовательные критики «Анализа фреймов», высказались весьма категорично: «Театральная и метафорическая интерпретация Гофманом “фрейма” заводит его в несуществующий мир театра... Если структуралистская интерпретация “Анализа фреймов” подтверждается (а мы полагаем, что это так), тогда вклад Гофмана в интерпретативную социальную науку оказывается ограниченным... Никакого взаимодействия в “Анализе фреймов” нет» [10, р. 72–75].

Какие исследовательские возможности открывает структуралистская интерпретация фрейма? Укажем лишь два возможных направления анализа. С одной стороны, фрейм

---

¹⁰ Предположим, вместо тела больного хирурги-интерны оперируют специальный манекен, предназначенный для тренировок врачей. Внешне их действия не должны отличаться от действий при «настоящей» операции, поскольку за ними наблюдают супервизоры, анализирующие все промахи и просчеты. Но при этом смысл ситуации изменяется – происходит трансформация деятельности. Т.е., отрезок деятельности «операция» трансформируется в отрезок «тренировка», деятельность «переключается». Такой тип переключения Гофман назвал «технической переналадкой» (technical redoing) [42, с. 120]. Врачи могут переопределять ситуацию как угодно, но если на операционном столе – тело пациента, а не манекен, ситуация приобретает совершенно иной объективный смысл.

события предъявляет свои требования к пространственной и темпоральной организации происходящего. Длительность действий, их чередование и временные «скобки», а также пространственное размещение самих взаимодействующих и реквизита, которое делает возможным взаимодействие именно в таком формате, – задают происходящее как событие в пространстве и времени. (Так, манипуляции с занавесом позволяют поставить временные скобки события «спектакль», а границы сцены и планировка зала придают ему пространственную определенность.) Но требования предъявляются также и к самому процессу общения – высказывания, допустимые в одном фрейме взаимодействия, табуированы в другом. Именно в этом направлении Гофман развивает идею фрейма после «структуралистского поворота»¹¹.

Исследование фреймирования коммуникации неожиданно (в первую очередь для самого Гофмана) оказалось востребовано этнометодологией. Можно сказать, что этнометодологи из числа бывших студентов и коллег Гофмана (Э. Щеглов, Х. Сакс) были первыми, кто откликнулись на предложенный им подход, сделав последний теоретической базой конверсативного анализа¹².

Тем не менее, центральный вопрос конверсативного анализа – как реальность конструируется в процессе общения – далек от гофмановской постановки проблемы. Гофман намеренно дистанцируется от этнометодологии и предпочитает говорить о «традиционности» своей теории («Я не принимаю радикальную, оценочную, субъективистскую точку зрения. Я ни в коем случае не этнометодолог» [35, р. 221].) Однако и Щеглов, и Сакс также пытаются построить теорию конверсативного анализа именно как теорию *синтаксиса речевых взаимодействий*, что в целом соответствует замыслу Гофмана, призывавшего исследовать «синтаксические отношения между действиями отдельных людей» или рассматривать «действие порядка интеракции как систему соглашений, подобных правилам игры на корте, правилам дорожного движения или синтаксису» [16]. «Традиционный» Гофман критикуется Щегловым не за «стремление к жесткости метода и ясности изложения» [35], а за исходную «неспособность выйти за границы индивидуальной психологии», «неготовность переключиться с анализа ”Лиц”» на анализ порядка разговора» [31, р. 181].

Тема «синтаксиса взаимодействия» появляется в работах Гофмана конца 60-х и достигает своей кульминации в книге «Ритуал взаимодействия» (1967). Но если в ранних работах «синтаксис» – это метафора, призывающая к созданию системы описания социальных взаимодействий (построение «всеобщей грамматики социальности» в перифразе Батыгина), то в «Формах разговора» (1981) синтаксические отношения – это уже отношения *высказываний* в коммуникации. Высказывания организованы в определенном фрейме, как слова в предложении – за внешним разнообразием и вариативностью угадывается структура, которой можно придерживаться или пренебрегать, но которая не становится от этого менее реальной. «Разумеется, между двумя соседствующими поворотами в разговоре и переходом очереди от одного собеседника к другому, – пишет Гофман, – существует некая взаимная обусловленность, но она обычно плохо осознается участниками, так что тот, кто анализирует разговор, должен выявить ее сам» [42, с. 620].

Такая «синтаксическая» интерпретация повседневной коммуникации в корне противоречит идее экспрессивности человеческой речи, как она понимается в символическом интеракционизме. «Когда человек пользуется жизненно важными словами, –

¹¹ Сам Гофман, впрочем, никогда не называл этот переход «поворотом», предпочитая сдержанные оценки: «...после того, как я обнаружил нечто более интересное для себя в социолингвистике» [35, р. 213].

¹² Термин «конверсативный анализ» (“Conversational analysis”) не является устоявшимся в отечественной литературе. Чаще встречается перевод «анализ разговоров» [38]. Мы полагаем «конверсативный анализ» более адекватным переводом, поскольку речь идет именно о самостоятельном направлении (хотя и ассоциированном с этнометодологией), имеющем не только собственную область исследований, но и разработанный методологический аппарат.

пишет Ларс-Эрик Берг, шведский исследователь символического интеракционизма, – он осуществляет свое я: “я” становится очевидным. Человек говорящий показывает себя в слове, речью подтверждает, что он за человек. Слова решения, признания, обещания, любви или ненависти, ложь, свидетельство истины – это экзистенциальная речь, в которой человек становится тем, кто он есть, и проявляет самого себя... В экзистенциальной речи человек ставит на карту свою вероятную персональность, и он может буквально высмеять ее. Человек и его слова стоят между обезличиванием и приходом к самому себе с собственной личностью» [39, с. 157]. У Гофмана нет ни слова об «экзистенциальной речи», зато им подробно рассматривается ситуативная детерминанта «слов решения, признания, обещания любви» и т.д. Гофману гораздо ближе теория речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля [2;32], нежели любая из интеракционистских интерпретаций общения.

Именно из работы Серля заимствуется Гофманом различие регулятивных и конститутивных правил¹³ и идея «пресуппозиции пресуппозиций»¹⁴. «Эта идея, – отмечает Батыгин, – развивает концепцию речевых действий Джона Остина, который сформулировал процедуру высказывания определенных слов в определенных обстоятельствах, определяющую понимание, то есть одни и те же мысли и чувства участников ситуации» [38, с. 53].

Впрочем, несмотря на очевидные заимствования Гофманом некоторых идей и сюжетов из теории Остина и Серля (в частности, в статье «Условие успеха» [19]), его теория речевой коммуникации оригинальна и самостоятельна. Разговор понимается как «быстро изменяющийся поток по-разному фреймированных отрезков» [42, с. 660] и анализируется в терминах «информационных состояний», «связок», «принципалов», «аниматоров», «фигур» и «аудиторий» [42, с. 654]. Этот категориальный аппарат отсылает скорее к театральным аналогиям раннего Гофмана, нежели к построениям современных ему социолингвистов. (Неслучайно Гофман пишет, что «фреймовая структура театра и фреймовая структура разговора, особенно разговора “неофициального”, имеют глубинные сходства» [42, с. 667].) Почему же тогда именно теория коммуникации Гофмана оказывается в центре внимания многих интерпретаторов-структуралистов? Почему именно в ней ищется подтверждение структуралистских оснований социальной драматургии?

Наиболее последовательную структуралистскую интерпретацию работ Гофмана, основанную на анализе гофмановской теории общения, дал Батыгин: «Структуру речевого взаимодействия Гофман определяет в классических терминах теории коммуникации: отправитель – сообщение – адресат. Содержание сообщения преобразуется таким образом, что его оригинальный, аутентичный смысл уже не поддается восстановлению. Иными словами, не человек придает смысл сообщению, а сообщение придает смысл самому себе и межличностному взаимодействию. Это вполне структуралистское рассуждение» [38, с. 11]. То есть, не люди конструируют социальную реальность в процессе коммуникации, а сама реальность открывает себя в нем. Говорящий – не автор сценария, а актер. Или, в терминах Гофмана, – «аниматор», призванный озвучить, оживить некий «текст бытия».

Структуралистское переосмысление гофмановской теории общения – лишь первый шаг. Вернемся к метафоре «синтаксиса повседневности». Она оказывается в равной степени применимой и к высказываниям, заданным определенной фреймовой структурой разговора, и к событиям, эпизодам, составляющим «отрезки деятельности». То есть, за общением двух близких друзей, театральным представлением и, скажем, игрой в шахматы скрываются фреймовые структуры, *изоморфные* друг другу. Отсюда уже один шаг до вывода, сделанного Батыгиным из прочтения работ Гофмана: «мир даже в своих мельчайших проявлениях предсказуем и являет собой континуум форм распознавания» [38, с. 18]. Идея континуума

¹³ Регулятивные правила относятся к форме высказывания и представляют собой реакцию на контекст общения, тогда как конститутивные правила сами создают контексты.

¹⁴ Пресуппозиция – фоновое ожидание, импликация, «само собой разумеющиеся» (taken for granted) определения ситуации, делающие возможным взаимопонимание общающихся.

фреймов – достояние радикально-структуралистского прочтения Гофмана. Предполагается, что за частными, изоморфными друг другу, фреймовыми структурами разговора, театра, игры скрываются другие, более общие структуры, грамматические конструкции «текста бытия». И тогда социологу остается лишь сопоставить их и встроить в континуум форм распознавания. Отсюда один шаг до создания «всеобщей грамматики социальности», которая охватывала бы как микромир повседневных событий, так и макромир социетальных структур¹⁵ [38, с. 8–9].

Подобная эпистемическая позиция, характеризующаяся верой в существование взаимосвязанных структур на разных уровнях и в разных сегментах социальной реальности, может быть названа «онтологическим структурализмом» [49, с.11]. Она легко обнаруживается в структуралистском психоанализе Ж. Лакана или структурной антропологии К. Леви-Строса, пытавшегося выявить в любом мифе какую-то элементарную мифологическую структуру, которая *a priori* представляет собой структуру всякой умственной деятельности и, стало быть, «структуру Духа» [47, с. 320]. Но применима ли такая характеристика к работам Гофмана¹⁶? Ведь разговоры гораздо менее структурированы, нежели шахматная игра или движения людей, участвующих в церемонии. «Именно эта структурная нестрогость, вариативность эпизодов повседневной деятельности делает их отличными от ритуальных действий, – пишет Гофман, – и с необходимостью превращает заготовленную схему речевого общения в нечто ненадежное и проблематичное, в то, что ближе к фикции, чем к факту» [42, с. 621]. Здесь структуралистские интерпретации обнаруживают противоречия текстам самого Гофмана.

Итак, попытки структуралистского прочтения теории Гофмана опираются на его неоднократные заявления о своей эпистемической близости к структурным функционалистам, на замену прагматистских терминов «ситуация» и «определение ситуации» структуралистским термином «фрейм», на критику социального конструктивизма, на гофмановскую теорию коммуникации и на метафору «синтаксиса повседневности». Однако интерпретаторы-структуралисты, обращая внимание на ряд ранее игнорируемых аспектов творчества Гофмана, оставили незамеченными те его идеи, которые могут быть поняты только в контексте чикагской традиции.

Назад, к Джемсу?

Попытку отстоять интеракционистское прочтение социальной драматургии предпринимает А.Д. Ковалев. Ранее, в предисловии к «Презентации себя другим», Ковалев акцентировал связь Гофмана с философской традицией американского прагматизма: «О влиянии столпов прагматизма на Гофмана свидетельствуют хотя бы его постоянные ссылки на тексты У. Джемса, Дж. Сантаяны периода увлечения Джемсом и других авторов того же круга. Им Гофман обязан многими своими ключевыми понятиями»¹⁷ [44, с. 6].

¹⁵ Сама возможность построения некоего континуума фреймов гневно отвергается в последовательном интеракционистском прочтении: «Похоже, что опыт Гофмана подрывает надежду на исполнение заветной мечты теоретиков социологии – построить мост между наблюдениями и обобщениями на уровне повседневных житейских ситуаций и историческими обобщениями макросоциологии, причем построить не в форме интуитивных прозрений, а в виде лестницы строгих понятий, включенных в общую теоретическую схему. Кажется, из чтения Гофмана надо сделать вывод, что лучше эти разные миры, то есть микровзаимодействия («сценическую постановку» которых он так хорошо проанализировал) и макроструктурные процессы, исследовать по отдельности» [44, с. 26].

¹⁶ Дензин и Келлер настаивают на том, что именно такое определение «структурализма» как нельзя более подходит теории фреймов Гофмана. По их мнению, Гофман лишь продолжает традицию «Греймаса, Леви-Строса, Лэйна, Тернера и Барта» [10, р. 67].

¹⁷ Впрочем, прагматистских оснований работ раннего Гофмана не отрицают и некоторые интерпретаторы-структуралисты. Батыгин также пишет, что «определяющее влияние на теоретическую концепцию Гофмана оказали идеи американского прагматизма, главная из которых – рассмотрение человека как действующего субъекта, формирующего бытие в соответствии со своими целями, и общества как результата межличностной коммуникации» [38, с. 20].

В чем состоит принципиальное отличие прагматистского видения социальной реальности, обнаруживаемого Ковалевым в работах Гофмана? «Вместо контовско-дюркгеймовской интуиции общества как созданной прошлым, мощной, почти божественной данности, исходным стал образ общества как чего-то созидаемого по ходу дела, так сказать, ситуативно. Именно этот сдвиг положил начало своеобразному социологическому конструктивизму значительной части американского обществоведения – толкованию социальной реальности как непрерывно творимого продукта повседневных взаимодействий, смысловых интерпретаций и переинтерпретаций. Подобный подход прослеживается не только у Гофмана, но и в таких родственных ему направлениях социологии, как социальная феноменология, этнометодология и т. п.» [44, с. 7]. Сомнительность «родства» этнометодологии и социальной драматургии отмечалась выше. Здесь же внимание фокусируется на еще одном противоречии – приписывании Гофману черт социального конструктивиста.

Если определение ситуации не создается взаимодействующими *in situ* (а именно такой позиции придерживается Гофман, который даже в ранних работах пишет не о «конструировании», а о «поддержании» общего определения), откуда оно берется? Интерпретаторы-структуралисты допускают принудительное определение ситуаций «извне», их детерминированность надындивидуальными структурами. Тогда даже «порядки взаимодействия», на необходимость исследования которых Гофман указывал в своем президентском послании к Американской социологической ассоциации, могут быть интерпретированы как реальность *sui generis*, отнюдь не «созидаемая ситуативно, по ходу дела»¹⁸. Но для интерпретатора-интеракциониста такая трактовка неприемлема, поскольку взаимодействие – это конечная, а не промежуточная инстанция объяснения. «Любой... отрезок деятельности, – пишет Ковалев, – можно как бы «заклечь в феноменологические скобки» и анализировать его в полном соответствии с методологическим принципом символического интеракционизма, по которому все значения и фактические проявления человеческой деятельности должны объясняться в рамках процесса социального взаимодействия как конечной инстанции. Взаимодействие не должно рассматриваться лишь как средство проведения влияния на его участников внешних сил» [44, с. 13].

Следовательно, ни «социальный конструктивизм», ни «детерминизм надындивидуальных структур» не свойственны социальной драматургии? Перефразируя Дж. Г. Мида, можно сказать, что определения ситуации создаются не взаимодействующими (но и не довлеющими над ними макроструктурами), а самим *взаимодействием*. Как в «Представлении себя другим» [41, с. 302], так и в «Анализе фреймов» [42, с. 61–62] обнаруживаются подтверждения подобной постановки вопроса Гофманом.

Единственное, что оказывается не проясненным в такой интерпретации – это отказ Гофмана от самого термина «определение ситуации» и введение понятия «фрейм». Пользуясь выражением Ковалева: «Если объяснить этот финт Гофмана, то объяснится и все остальное» [45, с. 17]. Однако объяснить «этот финт», исходя из изложенной выше логики интеракционистского прочтения, можно только переопределив сам термин «фрейм». Отсюда утверждение, что «фрейм выполняет калибровочную функцию выделения отрезков в потоке деятельности» [45, с. 18], а вовсе не функцию управления этим потоком.

Попытки Ковалева дать интеракционистскую трактовку «Анализа фреймов» сродни стремлению Дж. Г. Мида задним числом переинтерпретировать «Представление себя другим» в структуралистском ключе. Однако обращение к прагматизму здесь исключительно продуктивно. Особенно, если учесть, что термин «фрейм» Гофман заимствует не из когнитивной психологии, лингвистики или исследований искусственного интеллекта, а из работ этолога и философа Грегори Бейтсона, продолжающего традицию Джемса и А. Шюца

¹⁸ Такую интерпретацию предложила в частности Энн Уорфилд Роулз в работе «The Interaction Order *Sui Generis*: Goffman's Contribution to Social Theory» [30].

в исследовании социальной реальности [3]. (Отличие бейтсоновского использования термина «фрейм» от своего собственного Гофман сформулировал следующим образом: «Бейтсон полагает “фреймирование” психологическим процессом; я считаю его свойством самой организации событий и когний» [17, р. 84].)

Критикуя гофмановский «чрезмерный структурализм», Дензин и Келлер сформулировали следующий тезис: «“Анализ фреймов” Ирвинга Гофмана, структуралистский по природе своей, вряд ли может быть синтезирован с интерпретативистской традицией Джемса-Мида-Шюца-Бейтсона в социальной психологии. Скорее, он противостоит ей» [10, р. 73]. Противостоит, потому что отрицает центральный постулат интерпретативной социологии: «Значение [взаимодействия] должно быть найдено во взаимодействии, а не в структурах и правилах» [10, р. 67].

Любопытно, что критика Дензина и Келлера – единственная, на которую Гофман ответил. «Чтобы обосновать свою позицию, – пишет Гофман, – Дензин и Келлер приводят изложение “хорошего” (“интерпретативная социальная наука”) и “плохого” (“структурализм”) подходов... Они настаивают, что если написанное мной есть нечто структуралистское, а не символически-интеракционистское (эта перспектива им явно ближе), то мой “вклад в понимание взаимодействия, опыта и повседневной жизни” оказывается тривиальным, периферийным и чисто классификаторским. Тех хороших авторов, к которым я обращаюсь в “Анализе фреймов”, – Джемса, Шюца и Бейтсона – я не понимаю или не могу развить их идей (или то и другое), а мой подход есть “нечто противостоящее этим работам”» [10, р. 79].

Гофман, никогда не возражавший против структуралистских интерпретаций своих работ и даже ранние свои исследования интерпретировавший в ключе «структурной социальной психологии» [35, р. 217], настаивает на том, что лишь продолжает традицию Джемса и Шюца. Каким образом?

Ни Джемс, ни Шюц не являются для Гофмана представителями того «интерпретативного направления», которое исповедуют символические интеракционисты. «Дензин и Келлер начинают с предположения, что “субъективный смысл, эмоциональное состояние, мотивы, интенциональность и наличные цели лежат в основании текущего социального взаимодействия”, – пишет Гофман, – позиция, которую они выводят из работ Джемса, Шюца, Мида, Кули и Вебера. Дензин и Келлер стремятся сохранить эти классические источники “чистыми”, допуская только одну линию их осмысления – свою собственную. Как будто Мид никогда не приходил к структурному анализу стратегического взаимодействия, вроде того, которое мы обнаруживаем у Шеллинга¹⁹, а Шюц и Джемс, занимаясь конечными областями значений, никогда не принимали во внимание идентификацию, организацию и структуру этих миров...» [17, р. 80]. Этот структурный анализ не требует обращения к чувствам и мыслям взаимодействующих индивидов, но предполагает детальное рассмотрение форм организации того множества реальностей, о котором писали Джемс и Шюц.

Проблема проясняется. Гофман предлагает свое собственное, отличное от интеракционистского, видение работ Джемса и Шюца. Гофмановский подход, далеко отстоящий от символического интеракционизма и других «конструктивистских» направлений, тем не менее, сохраняет преемственность с трактовками Джемсом социальной реальности в целом и мира повседневности в частности. «Я думаю, это то, что Дензин и Келлер назвали структуралистским рассмотрением, – подводит итог Гофман. – Во всяком случае, для меня это следует напрямую из работ Джемса, а также Шюца и Бейтсона. Дензин и Келлер нашли другое направление, идущее от Джемса, и полагают его единственно правильным» [17, р. 83].

---

¹⁹ Томас Шеллинг – коллега Гофмана по Гарвардскому университету. Книга, которую здесь имеет в виду Гофман – «The strategy of conflict», исследование стратегического взаимодействия конфликтующих сторон.

Получается, разночтения в интерпретации гофмановской теории частично обусловлены разночтениями в понимании работ Джемса? Где же именно следует искать корни этого расхождения? Гофман лишь намекает на ответ. Джемс, по его мнению, одновременно использует два принципиально различных определения социальной реальности. С одной стороны, реальность, по Джемсу, это «чувство реальности»²⁰, испытываемое человеком, с другой – «всякая область значений, в которую мы можем быть вовлечены так, чтобы события в этом мире стали для нас живыми и яркими» [17, р. 293]. Первое определение принимают в качестве базового «интерпретативные направления», ищущие смысл взаимодействия в субъективных интенциях акторов. Второе, допускающее возможность изучения «областей значений» (или «порядков существования» в терминах А. Гурвича²¹) как самостоятельных сегментов реальности – становится отправной точкой рассуждений И. Гофмана. «Я не думаю, – пишет Гофман, – что Джемс указал на что-то ценное в отношении “высшей” реальности (какая бы система фреймов при ее определении ни задействовалась), однако я полагаю, он был очень находчив во всем, что связано с фиктивными областями. Его различение типов “субуниверсумов” не столь полезно, но утверждение того, что каждый из них имеет свой “особый и самостоятельный стиль существования”, представляет собой “согласованную систему” и каждый из этих миров “пока находится в центре внимания, по-своему реален” плодотворно. Этими идеями я обязан Джемсу. Их я и попытался развить в “Анализе фреймов”» [17, р. 83].

Однако постановка проблемы реальности у Джемса и ее связь с гофмановской теорией – предмет дальнейшего исследования.

Таким образом, проблема соотношения *структуры* и *взаимодействия* в работах Гофмана (которую мы обнаруживаем за многочисленными интеракционистскими и структуралистскими прочтениями) оказывается лишь верхушкой айсберга. Структуралистские и интеракционистские аспекты на микроуровне анализа социальной жизни сплетаются в сложное единство и могут быть вычленены только аналитически. Поток человеческого взаимодействия и «форматирующие» его факторы попеременно попадают в фокус рассмотрения и в зависимости от того, что именно на данный момент подлежит анализу – деятельность или фрейм, интерпретация или «реквизит» – создается иллюзия коренного поворота к новому предмету исследования. Связь структурных и деятельностных компонентов на микроуровне лучше всего описывается правилом «фигуры и фона» – один и тот же рисунок несет в себе различное содержание, в зависимости от фокусировки. В данном контексте объяснима репутация Гофмана как «неудобного классика социологии» [36]; его работы – это тест «чернильных пятен», в которых каждый из интерпретаторов видит то, что подсказывает его собственная перспектива рассмотрения. Однако причины такой двойственности следует искать не в особенностях гофмановского стиля повествования или специфике предмета исследования, а в его собственном оригинальном прочтении работ Джемса, Шюца и Бейтсона.

Литература

1. *Aronoff J.* “Relations in Public: Microstudies of the Public Order” by Erving Goffman *Sociological Quarterly* 14, Winter 1973.
2. *Austin J.* *Sense and Sensibilia.* Oxford: Oxford University Press, 1962.
3. *Bateson G.* *Steps to an Ecology of Mind.* N.-Y.: Ballantine books, 1972.

²⁰ Например, «Реальность – это просто отношение, присущее нашей эмоциональной и деятельной жизни...» [24, р. 295].

²¹ Гурвич Арон – немецкий философ-феноменолог. Гофман находит его идеи, изложенные в работе «The field of consciousness» [22], созвучными идеям Шюца.

4. *Berman M.* Weird but Brilliant Light on the Way We Live Now // Sage Masters of Modern Social Thought / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. Vol. 1. L.: Sage Publications, 2000.
5. *Blumer H.* Symbolic Interactionism: Perspective and method. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1969.
6. *Blumer H.* Action vs. Interaction: Relations in Public – Microstudies of the Public Order by Erving Goffman // Sage Masters of Modern Social Thought / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. Vol. 4. L.: Sage Publications, 2000.
7. *Burke K.* Permanence and Change. N.-Y.: New Republic, Inc., 1953.
8. *Collins R., Makowsky M.* The Discovery of Society. N.-Y.: Random House, 1972.
9. *Davis M.* George Simmel and Erving Goffman: Legitimizers of the Sociological Investigations of Human Experience // Sage Masters of Modern Social Thought / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. Vol. 3. L.: Sage Publications, 2000.
10. *Denzin N., Keller Ch.* Frame Analysis Reconsidered // Erving Goffman: Vol. 4 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. L.: Sage Publications, 2000.
11. *Ditton J.* The View from Goffman. L.: Macmillan, 1980.
12. Erving Goffman: Vol. 1-4 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. L.: Sage Publications, 2000.
13. *Fine G.A., Manning Ph., Smith G.W.H.* Introduction // Erving Goffman: Vol. 1 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000.
14. *Glazer B., Strauss A.* Awareness Contexts and Social Interaction // Symbolic Interaction: A Reader in Social Psychology. Boston: Ally and Bacon, 1972.
15. *Goffman E.* Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. N.-Y.: Anchor, 1967.
16. *Goffman E.* Encounters: Two Studies in the Sociology of Interaction. L.: Allen Lane, 1972.
17. *Goffman E.* A Reply to Denzin and Keller // Erving Goffman: Vol. 4 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. L.: Sage Publications, 2000.
18. Goffman E. The Interaction Order // American Sociological Review. 1982. Vol. 48.
19. *Goffman E.* Felicity's Condition // American Journal of Sociology. 1983. Vol. 89. No. 1.
20. *Gonos G.* "Situation" versus "Frame": The "Interactionist" and the "Structuralist" Analysis of Everyday Life // Sage Masters of Modern Social Thought / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. Vol. IV. L.: Sage Publications, 2000.
21. *Gouldner A.* Other Symptoms of the Crisis: Goffman's Dramaturgy and Other New Theories // Sage Masters of Modern Social Thought / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. Vol. I. L.: Sage Publications, 2000.
22. *Gurwitsch A.* The field of consciousness. Pittsburgh: Duquesne University Press, 1964.
23. *Hazelrigg L.* Reading Goffman's Framing as a Provocation of a Discipline // Sage Masters of Modern Social Thought / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. Vol. III. L.: Sage Publications, 2000.
24. *James W.* The Principles of Psychology. Vol. 2. N.-Y.: Dover Publications, 1950.
25. *MacIntyre A.* After Virtue. L.: Duckworth, 1981.
26. *Manning Ph.* Erving Goffman and Modern Sociology. L.: Polity Press, 1992.
27. *Oromaner M.* Erving Goffman and the academic community // Erving Goffman: Vol. 1 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. L.: Sage Publications, 2000.
28. *Posner J.* Erving Goffman: His presentation of self // Sage Masters of Modern Social Thought / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. Vol. 1. L.: Sage Publications, 2000.
29. *Posner J.* Rebuttal to Oromaner Paper // Sage Masters of Modern Social Thought / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. Vol. 1. L.: Sage Publications, 2000.

30. *Rouls A.W.* The Interaction Order Sui Generis: Goffman's Contribution to Social Theory // Sage Masters of Modern Social Thought / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. Vol. II. L.: Sage Publications, 2000.
31. *Schegloff E.* Goffman and the Analysis of Conversation // Sage Masters of Modern Social Thought / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. Vol. IV. L.: Sage Publications, 2000.
32. *Searl J.* Speech Acts. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.
33. *Smith G.* Snapshots "Sub Specie Aeternitatis": Simmel, Goffman and Formal Sociology // Sage Masters of Modern Social Thought / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. Vol. 3. L.: Sage Publications, 2000.
34. *Stebbins R.* A Theory of the Definition of the Situation // The Canadian Review of Sociology and Anthropology. 1967. Vol. 4.
35. *Verhoven J.C.* An interview with Erving Goffman, 1980 // Sage Masters of Modern Social Thought / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. Vol. 1. L.: Sage Publications, 2000.
36. *Абельс Х.* Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию / Пер. с нем. под общ. ред. Н.А. Головина и В.В. Козловского. СПб.: Алетейя, 1999.
37. *Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А.* Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001.
38. *Батыгин Г.С.* Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гофмана // Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступ. статья Г.С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.
39. *Берг Л.-Э.* Человек социальный: символический интеракционизм // Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы / Пер. со шв. А. Ливанова. СПб: Нотабене, 1992.
40. *Гидденс Э.* Устроение общества. Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003.
41. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А.Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
42. *Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступ. статья Г.С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.
43. *Ионин Л.Г.* Символический интеракционизм и феноменологическая социология между кризисным и стабилизационным сознанием // Очерки по теоретической социологии XX столетия. М., 1994.
44. *Ковалев А.Д.* Книга Ирвинга Гофмана «Представление себя другим в повседневной жизни» и социологическая традиция // Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А.Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
45. *Ковалев А.Д.* «Фрейм-анализ» Гофмана с точки зрения переводчика // Социологическое обозрение Т.2. №2. 2002.
46. *Кравченко Е.И.* Эрвин Гоффман: социология лицедейства. М: Аспект Пресс, 1997.
47. *Леви-Строс К.* Мифологии. Т.1. Сырое и приготовленное. М.-СПб.: Культурная инициатива; Университетская книга, 2000.
48. *Уорнер У.Л.* Живые и мертвые. М.: Университетская книга, 2000.
49. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М.: Петрополис, 1998.